

10. *Loriot X.* Les premiers années de la grande crise du IIIe siècle: De l'avènement de Maximin le Thrace (235) à la mort de Gordien III (244)//ANRW. Prinzipat. 2. Bd. — Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1975.

Н. А. Алексеенко

Патер полиса Херсона и его роль в имперской администрации в Таврике

Вопрос об изучении городского устройства имеет одно из первостепенных значений для исследования любого византийского города, особенно подобного Херсону, имевшему глубокие корни античных, свободолюбивых традиций. Выросший из древнегреческого полиса и римского муниципия, в эпоху средневековья этот византийский центр, вне всякого сомнения, представлял собой особый тип поселения с присущим ему своеобразным социально-административным устройством, в котором так или иначе сочетались государственная власть и городской муниципалитет. По вопросам существования в Херсоне некоего института — муниципального самоуправления и его состава существует давняя дискуссия среди исследователей [1, с. 67–70; 2, с. 207–211; 3, с. 107–118; 4, с. 94–102; 5, с. 87–103; 6, с. 137–144; 7; 8, с. 155–170; 9, с. 161–167; 10, с. 455–500]. Долгое время упоминавшиеся в источниках «отцы города» и «первенствующие», управлявшие городским хозяйством, были представлены лишь единственной печатью протевона Михаила [11, с. 39–40, № 13]. Значительное пополнение корпуса херсонских печатей в последнее десятилетие, в основном за счет находки остатков городского или таможенного архива [12, р. 57; 13, р. 75–83; 14, с. 87–88], наконец-то принесло четкое археологическое подтверждение существования в Херсоне специфической формы муниципального управления, несмотря на то, что в Крыму к этому времени уже была создана фема. Печати местных представителей власти — патера полиса, эджика и протевонов, на наш взгляд, как нельзя лучше отражают специфику городских структур управления и их взаимоотношения с центральной администрацией.

В свое время И. В. Соколова отмечала, что «монеты Херсона (их выпуск — факт сам по себе замечательный) намекают на существование в начале X в., когда известны печати только фемных чиновников, некой муниципальной организации, которая, однако, не обнаруживает себя на моливдовулах» [2, с. 209]. На присутствие в византийском Херсоне, кроме имперской администрации, некоего городского института власти в этот период указывает обнаруженная в составе херсонского архива уникальная печать «патера полиса» Сергия [8, с. 164, 540, № 13, рис. 2.4], демонстрирующая, на наш взгляд, сохранение или возрождение в Таврике позднеримских институтов внутригородского управления (рис. 1).

Рис. 1. Печать «патера полиса» Сергия

На лицевой стороне печати изображен шестиконечный процветший крест с ветвями цветения, едва достигающими нижней перекладины. По кругу, между ободков из слившихся точек, традиционная надпись обращения к божественной помощи: $\text{Κύριε βοήθει τῷ σω δούλῳ}$.

На оборотной стороне — надпись в четыре строки, указывающая имя, должность и место службы владельца.

Несмотря на некоторое смещение штемпелей буллотирия при изготовлении печати, вследствие которого отдельные литеры не попали в поле буллы, видимо, нет оснований сомневаться в принадлежности нашего памятника одному из «первенствующих» Херсона — городскому голове, должностному лицу, известному по источникам как πατὴρ τῆς πόλεως или *curator civitatis*.

Эта должность впервые встречена на херсонских моливдовулах. Для памятников византийской сфрагистики она принадлежит к разряду одной из самых редких. Нам известна лишь одна печать одноименного патера полиса Сиракуз (VIII в.) из собрания национального музея Палермо, которую в свое время издал В. Лоран [15, р. 46–47].

В эпиграфике и папирологии представители этой должности фигурируют в основном в Киликии, Памфилии, Палестине, Кари и некоторых других провинциях империи [16, р. 100, nr. 167; 17, р. 61–63, nr. 32; 18, р. 173–185; 19, р. 215–220; 20, р. 75, 78, 85–86]. Известны они и для городов Северного Причерноморья, в том числе и для Херсонеса–Херсона [21; 22, I, 24, 27, 33, 97; 23, I², 449; 24, с. 5–18, № 2; 25, с. 79–80, № 9; 26, с. 28–30, 74–75, № 3, 53; 19, с. 219–220; 27, с. 554–556]. Однако следует заметить, что все они без исключения относятся в более раннему времени, чем наша находка.

Основополагающим датирующим элементом для моливдовула патера Сергия является тип лицевой стороны. Напомним, что большинство исследователей единодушно относят бытование изображения креста, аналогичного нашему, к первой половине X в. [3, с. 97–100]. По типу и использованному шрифту херсонский экземпляр полностью соответствует памятникам данного периода.

Таким образом, находка в Херсоне моливдовула одного из «отцов города» не только определяет термин «патер полиса» как реальную административную должность, но и является еще одним свидетельством существования в городе в период расцвета фемного строя некой муниципальной организации, которая долгое время не находила подтверждения в археологических памятниках.

В Табелях о рангах византийских чиновников должность патера полиса отсутствует. Анализ источников показывает, что это сугубо муниципальный пост, имевший одновременно финансовые и административно-управленческие функции. Он хорошо известен в администрации многих городов ранневизантийского периода. Как ответственное лицо за муниципальные финансы патер полиса фиксируется, начиная со второй половины V в. [18, р. 173–185; 28, р. 171–174; 19, р. 215–220].

М. И. Ростовцев рассматривал термин πατὴρ τῆς πόλεως как почетный титул городского магистрата, в чьих руках была сосредоточена вся полнота власти и реальное (или официальное) название должности которого было протевон (πρωτεύων) [24, с. 18]. Найдка печати патера полиса Херсона, надо полагать, исключает вторую часть точки зрения известного русского исследователя. Вне всякого сомнения, здесь мы имеем дело с двумя самостоятельными должностями. Хотя и не исключено, что в определенные периоды времени один пост вполне мог замещать другой. В нашем случае в известной мере об этом могут свидетельствовать датировки известных к настоящему времени памятников сфрагистики, принадлежащих представителям местных органов власти Херсона. Моливдовул патера Сергия предшествует практически всем известным нам печатям протевонов [29, с. 154–162; 30, р. 79–86].

Развитие структуры провинциальных муниципалитетов для ранневизантийского времени прекрасно показано в новейшем исследовании А. Ланиадо, в котором автор подробно остановился и на функциях местного нобилитета, и на их взаимоотношениях с курией и государственной властью [20].

Согласно письменным и археологическим источникам, *πατήρ τῆς πόλεως* контролировал широкий круг общинных интересов: от снабжения города водой и наблюдения за постройками до решения вопросов законодательного характера [31, с. 98–105, № 98; 19, р. 218–219; 22, I, 27; 32, р. 114]. Это была высшая муниципальная должность, которой, судя по позднеантичным декретам, можно было удостоиться лишь за выдающиеся заслуги перед городской общиной. Причем, учитывая данные херсонской надписи 370–375 гг. [24, с. № 2], где патер полиса назван *vir perfectissim*, для ее получения необходимо было подняться по крутой служебной лестнице. Р. Гийян отмечает, что титул *vir perfectissim* присваивали куриалам, прошедшим все муниципальные магистратуры [33, р. 38–40].

Ряд исследователей употребляют рассматриваемый нами термин лишь во множественном числе, как он приводится у Константина Багрянородного [34, 42^{44–47}]. И. В. Соколова считала, что под «отцами города» следует понимать название коллегии херсонского самоуправления, куда входили, кроме местной знати, архонты, кир и протевоны [2, с. 208; 3, с. 113–115]. Той же точки зрения придерживаются и российские издатели трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» Г. Г. Литаврин и А. П. Новосельцев [35, с. 402–403, прим. 32]. Комментируя соответствующий пассаж Константина Багрянородного, нами в свою очередь отмечалось, что под термином «отцы города» следует понимать всех высших чиновников местного муниципалитета, образовавших, очевидно, городской Совет [8, с. 159]. Но как упоминалось выше, в нашем случае, пока нет оснований рассматривать пост патера полиса как некий коллегиальный орган, хотя примеры в истории тому все-таки имеются. Так, например, в Эфесе фигурирует коллегия двух «отцов города», действовавших одновременно, а в документах египетского Arsinoë в 584 г. известна *glorissima* Феофания, которая с двумя своими дочерьми занимала пост *πατερειούσας τῆς Ἀρσινόειτῶν πόλεως* [19, р. 217, 219].

Следует полагать, что Константин Багрянородный, называя местное руководство Херсона отцами города (*πατέρες τῆς πόλεως*), безусловно, имел в виду общее название знати, возглавлявшей управление городской жизнью. Убедительное подтверждение тому — появление печати Сергия, которая представляет нам конкретный административный пост.

Несмотря на то, что роль патера полиса в X в., скорее всего, отличалась от функций аналогичного чиновника ранневизантийского периода, его основное назначение, надо полагать, оставалось прежним. Как в былые времена, он должен был осуществлять главное руководство в муниципальном хозяйстве и, по наблюдению Г. А. Курбатова, являлся при этом и должностным лицом государственной администрации [36, с. 195.]. В свою очередь Н. И. Храпунов полагает, что он управлял городом от имени стратига фемы [9, с. 164]. В слиянии местной и государственной властей, видимо, следует видеть тонкий политический ход империи, стремившейся за счет привлечения на государственную службу местных аристократов упрочить свои позиции в регионах. Примеры такой политики византийских императоров можно обнаружить, например, в документах Равенны. Здесь члены муниципалитета, в том числе и куратор (патер) города, избирались местной знатью, но утверждались центральным правительством [37, р. 93sq., 103sq.; 38, с. 253, прим. 52].

В этой связи в первую очередь следует отметить замечание О. Р. Бородина о двойственном положении таких должностных лиц, как «*curator civitatis*» и «*defensor civitatis*» в административной системе византийских городов. С одной стороны, они должны были способствовать успешной деятельности курии, контролировать ее и сами принадлежали к числу куриальных магистратов (в эпоху Юстиниана они избирались при участии декурионов [39, СХVIII, 116; LXXV; XV, 2]), с другой — утверждались в должности императором и обладали рядом важных прерогатив не куриального характера [40, р. 133–138]. Кроме того, письма папы Григория Великого [41, Ер. IX. 44, 92, 144, 166], обращенные к куратору Равенны, свидетельствуют о принадлежности местного сановника к высшему сословию — чиновникам первого ранга [42, с. 58–73, 114–115]. Содержание писем свидетельствует, что его влияние в городе было весьма велико и что он занимал заметное место и в административной системе всей Италии. Как обстояли дела в Херсоне, нам не известно. Но, очевидно, согласно византийской традиции, и в Крыму

мы имели подобную или же близкую ситуацию. Даже несмотря на то, что итальянские документы отражают события еще дофемного периода, для Херсона они представляют несомненный интерес, так как, на наш взгляд, в обоих регионах усматриваются одни и те же тенденции в развитии провинциального административного аппарата.

Вместе с тем исключительная редкость печати патера полиса позволяет предположить, что эта должность существовала в Херсоне недолго. Возможно, его функции со временем могли перейти к более привычной для херсонитов должности протевона — «первого гражданина». К сожалению, на печати патера Сергия не указан его придворный ранг. Не исключено, что он мог его не иметь вовсе, но более вероятным представляется то, что высокая значимость должности провинциального епарха поглощала менее значимые ранги нашего персонажа и он не указал их на своей печати. Напомним, что на печати патера Сиракуз также отсутствует придворный титул. Тем не менее, мы знаем, как ревностно византийцы относились к демонстрации своего служебного положения. Печати дают тому целый ряд прекрасных примеров. Всякий чиновник, получивший новый титул или назначение, тут же стремился отразить это событие на собственной печати. Возвращаясь к херсонским протевонам, заметим, что представители этой должности уже имеют высокие придворные ранги, сопоставимые с титулатурой высшего должностного лица в регионе — правителя фемы [8, с. 168].

Подводя итог, отметим, что в настоящее время благодаря памятникам сфрагистики нет оснований сомневаться в том, что, несмотря на жесткую политику императора Льва VI (886–912), упразднившего все муниципальные органы власти [9, с. 164], возвращенный на свободолюбивых традициях античного полиса византийский Херсон дольше других сохранил элементы городских структур власти, характерные для его античной истории. Как отмечал в свое время М. Я. Сюзюмов, позднеримская система самоуправления дольше других сохранялась именно в городах, значительно отдаленных от Константинополя. Наряду с итальянскими и далматинскими центрами он называл и Херсонес, отмечая, что все эти городские структуры управлялись местной знатью, *πατέρες τῆς πόλεως* и *iudices duumviri jure dicundo, quatuorviri* [1, с. 68].

И, как нам представляется, прекрасной иллюстрацией тому является не только находка в Херсоне уникальной печати патера полиса, но и нескольких печатей эдикка — дефенсора и местных протевонов.

Как известно, процесс ликвидации городского самоуправления по всей Византии затянулся на длительный период. Даже переход Херсона в систему фемной организации в IX в. не привел к полному исчезновению городской автономии, а лишь в какой-то мере реорганизовал структуру местного управления. Преобразование института архонтов [10, с. 486–487; *ср.*: 3, с. 115] в новую структуру — стратегию, надо полагать, повлекло за собой возрождение института кураторов города или же, что более вероятно, наделила традиционно существовавших в Херсоне местных муниципалов полномочиями государственных чиновников (отсюда, надо полагать, и появление их печатей). Кроме того заметим, что все известные сегодня печати местных «муниципальных» чиновников хронологически не пересекаются, а представляют собой некую последовательность. В этой связи совсем не обязательно, чтобы все три должности — патер полиса, эдикк и протевоны — сосуществовали в городском управлении.

Согласно источникам, функции эдикка и патера полиса зачастую тесно переплетались и во многом дублировали полномочия друг друга [40, р. 138]. Более того, Н. И. Храпунов полагает, что должность патера полиса следует рассматривать скорее как почетную и не регулярную [9, с. 164].

В этой связи в Херсоне IX–X вв., по всей видимости, сначала могла существовать реальная возможность трансформации одной «муниципальной» должности в другую, а в дальнейшем и вовсе свестись к посту одного из представителей местного аппарата управления — протевону. Подтверждением того, как кажется, является и само незначительное количество моливдулов муниципальных чиновников, и их относительная хронологическая последовательность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сюзюмов М. Я. Византийский город: середина VII–середина IX вв.//ВВ. — 1967. — № 27.
2. Соколова И. В. Администрация Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики//АДСВ. — Свердловск, 1973. — № 10.
3. Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. — Л., 1983.
4. Соколова И. В. О так называемой печати протевона Михаила//ВИД. — Л., 1991. — Т. 23.
5. Богданова Н. М. Херсон в X–XI вв. Проблемы истории византийского города //Причерноморье в средние века. — М., 1991.
6. Баранов И. А. Административное устройство ранневизантийского Херсона //МАИЭТ. — Симферополь, 1993. — Т. III.
7. Науменко В. Е. Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике//Древности. 1996. — X., 1997.
8. Алексеенко Н. А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона//МАИЭТ. — Симферополь, 1996. — Т. V.
9. Храпунов Н. И. О взаимосвязи византийской и муниципальной администраций Херсона: чиновники *πατέρες τῆς πόλεως*//Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. — Симферополь, 1999.
10. Алексеенко Н. А. Архонтия и архонты Херсона в VIII–IX вв.//МАИЭТ. — Симферополь, 2002. — Т. IX.
11. Толстой И. И. О византийских печатях херсонской фемы//ЗРАО. — 1887. — Т. II.
12. Alekséenko N. Les sceaux des archives de Cherson, témoignage des relations de Cherson et de l'Empire.//XXe Congrès International des Études Byzantines. Collège de France-Sorbonne, 19–25.08.2001. Pré-actes. II. Tables rondes. — Paris, 2001.
13. Alekseenko N. Les relations entre Cherson et l'Empire, d'après le témoignage des sceaux des archives de Cherson//SBS 8. — München; Leipzig, 2003.
14. Сорочан С. Б. «Carceris habitatores»? Положение Херсона во второй половине IX в.//Боспорские исследования. — Симферополь, 2003. — Вып. 3.
15. Laurent V. Une source peu étudiée de l'histoire de la Sicile au haut Moyen Age: la sigillographie byzantine//Byzantino-Sicula. — Palermo, 1966.
16. Jalabert L., Mouterde S. J. Inscriptions Grecques et Latines de la Syrie. — Paris, 1929. — Т. I.
17. Bandy A. C. The Creek Christian Inscriptions of Crete. — Athens, 1970. — Vol. X.
18. Roueché Ch. A New Inscription from Aphrodisias and the title *πατήρ τῆς πόλεως* //GRBC. — 1979. — № 20.
19. Feissel D. Nouvelles données sur l'institution du *πατήρ τῆς πόλεως* in: Dagron G., Feissel D. Inscriptions de Cilicie. — Paris, 1987.
20. Laniado A. Recherches sur les notables municipaux dans l'Empire protobyzantin //ТМ. — Paris, 2002. — № 13.
21. Латышев В. В. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического//ЖМНП. — 1884. — Июнь.
22. *Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini. Graecae et Latini* (IOSPE), ed. V. V. Latyshev. — Petropoli, MCMXVI. — Vol. I.
23. *Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini. Graecae et Latini* (IOSPE), ed. V. V. Latyshev. — Petropoli, MCMXVI. — Vol. I.
24. Ростовцев М. И. Новые латинские надписи из Херсонеса//ИАК. — 1907. — № 23.
25. Шангин М. А. Некоторые надписи из Херсонеса//ВДИ. — 1938. — № 3.
26. Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. — М., 1983.
27. Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсона в IV в.//МАИЭТ. — Симферополь, 1994. — Вып. IV.
28. Sijpesteijn P. J. The titre *πατήρ (τῆς) πόλεως* and the Papyrus//Tyche. — 1987. — 2.
29. Алексеенко Н. А. Протевоны Херсона в системе городских структур власти X в. //АДСВ. — Екатеринбург, 2001. — Вып. 32.

30. *Alekséenko N.* Les proteuônes de Cherson du Xe siècle sur les monuments de sigillographie//SBS. — Washington, 2001. — Vol. 7.
31. *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. — СПб., 1886.
32. *Hanton E.* Lexique explicatif du Recueil des Inscriptions Grecques chrétiennes d'Asue Mineure//Bizantion. — 1927–1928. — Т. 4 (Reprinted 1964).
33. *Гийан Р.* Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV–VI вв.). Заметки о титулах знати: эгрегий, перфектиссим, клариссим//ВВ. — 1964. — № 24.
34. *Constantine Porphirogenitus.* De administrando imperio/Ed. Gy. Moravcsik, trans. by J. Jenkins. — Washington, 1967.
35. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. — М., 1991.
36. *Курбатов Г. А.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. — Л., 1971.
37. *Diehl Ch.* Etudes sur l'administration byzantin dans l'ezarchat de Ravenne. — Paris, 1888. — Vol. II.
38. *Бородин О. Р.* Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. — СПб., 2001.
39. *Corpus Juris civilis. Novellae Justiniani*/Ed. R. Schoell et G. I. Kroll. — Berolini, 1906. — Т. 3.
40. *Lecrivain Ch.* Remarques sur les formules du curator et de defensor civitatis dans Cassiodore//Melanges d'archeologie et d'histoire. Т. VI. Fasc. 3–4. — Paris; Rome, 1884.
41. *Gregorii Magni.* Registrum epistolarum/Ed. P. Ewald. Т. I–II. — Berlin, 1891–1899.
42. *Coch P.* Die byzantinischen Beamtentitel von 400 bis 700. Inaug-Diss. Jena, 1903.

К. Ю. Бардола

О службе протоасикрита и ее роли в административной структуре Византии VI–IX вв.

Рассматривая гражданскую администрацию Византии VII–IX вв., можно отметить на первый взгляд парадоксальный факт. В группе «секретов» — ведомств, деятельность которых была непосредственно связана с государственными финансовыми операциями, расплодился штат протоасикрита. [1, р. 719; 2, р. 142; 3, р. 123]. Исследователи практически единодушно считают, что это ведомство в основном выполняло редакторские функции императорской канцелярии [2, р. 97–98; 4, с. 64; 5, р. 167; 3, р. 310]. В этом случае возникает закономерный вопрос, почему составители иерархических списков поместили это ведомство среди финансовых институтов.

Структура департамента протоасикрита в его классическом виде сложилась к VIII в., однако новая императорская канцелярия под названием «асикритис» появилась уже в VI в. [6, р. 204]. Эта структура была правопреемником службы *primicerius notiarum*, однако по своим функциям в значительной степени отличалась от нее.

Штат *primicerius notiarum* обладал широчайшими полномочиями в областях как внешней, так и внутренней византийской политики и к концу V–началу VI вв. оказывал почти угрожающее влияние на принятие политических решений императорской властью. По своей сути это ведомство было секретной службой византийского государства с обширным диапазоном деятельности. Подчиненные *primicerius notiarum* могли по приказу императора, магистра оффиций или своего начальника следить за лояльностью любого чиновника или политического деятеля, контролировать религиозные споры на соборах и епископальных кафедрах, регулировать процессы внешней торговли, а также активнейшим